

Отзыв официального оппонента

о диссертации Рвачевой Ольги Владимировны «ВОЗРОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА НА ЮГЕ РОССИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (СЕРЕДИНА 1920-х – НАЧАЛО 1940-х гг.) И В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1990-е – 2000-е гг.): ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ» на соискание степени доктора исторических наук Специальность 5.6.1. – Отечественная история

В современной России, как обычно в серьезные и опасные, трудные для Отечества времена, казачество, как исторически сложившаяся форма организации русского народа, начинает играть заметную роль. Это явление (сообщество), «организация и развитие которого в постсоветский период происходили в тесном взаимодействии с властью» (С.4), вызывает пристальное внимание исследователей. Поэтому тема диссертации О.В. Рвачевой крайне актуальна.

Сама автор во вводной части диссертации определяет актуальность темы, опираясь на 4 положения (почему это актуально), и определяет казачество «как социальную общность, обладающую рядом устойчивых признаков. В числе таковых: пространственно-территориальный признак, наличие устойчивых социальных связей, в том числе семейно-бытовых, культурных, производственных, религиозных» (с. 5).

Во введении автор дает краткий обзор степени изученности проблемы, обозначает основные тенденции историографии. Особенностью историографии советского периода, считает автор, было то, что «историки практически не выделяли казачество как самостоятельный субъект этих процессов, за небольшим исключением» (с.7). В целом же «комплексно, с анализом различных сторон и элементов, казачье возрождение в советский и постсоветский период ещё не рассматривалось» (с. 8).

Во введении автор определяет объект исследования и предмет исследования. Предмет - «сходства и различия возрождения казачества на юге России в советский период (середина 1920-х – начало 1940-х гг.) и в

постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.)» (с.8). Определяются хронологические рамки исследования, и автор доказывает верность таких рамок, а также обосновывает географические рамки работы.

Исходя из историографической ситуации, автор определяет цель исследования – «выявить сходства и различия возрождения казачества как исторического феномена на юге России в советский период (середина 1920-х – начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.), охарактеризовать основные элементы и раскрыть значение возрождения для социокультурных процессов российского государства и казачьего сообщества» (с.11) – и его задачи. На наш взгляд, цель и задачи определены верно.

Здесь же автор представляет методологическую основу исследования. Оно традиционно основано на принципах объективности, системности и историзма. В работе применяются общеисторические методы исследования, такие как историко-хронологический, историко-генетический и историко-сравнительный. На наш взгляд, большую роль в работе О.В. Рвачевой сыграл историко-сравнительный метод. Кроме того, в качестве методологического инструментария в работе использовались (и довольно подробно объяснены) теория системной трансформации, теория модернизации, теория социокультурного конструирования. Еще упоминается концепция изобретения традиции.

Определив цель, задачи и методологию исследования, автор кратко характеризует привлекаемые источники. Называются 8 архивов, в которых хранятся использованные автором документы, указываются конкретные фонды. Автор называет сборники опубликованных документов и привлеченные им материалы из средств массовой информации.

Новизна диссертационного исследования определена в 8 пунктах. Все они, на наш взгляд, достаточно обоснованы.

На защиту выносятся 7 положений. Из них лишь одно вызывает сомнения: в 1990-х – 2000-х гг. «военная служба воспринималась

участниками возрождения как центральный элемент социокультурной системы. Её воссоздание рассматривалось одновременно как неперенный элемент возрождения и обоснование актуальности присутствия казаков в постсоветской системе» (с. 22). На наш взгляд, элементов возрождения рассматривалось много, каких-либо ограничений по военной службе для казаков в рассматриваемый период не было, а созданные в указанное время в системе Вооруженных сил России «казачьи части» малочисленны, отнюдь не на слуху и какого-либо влияния на процесс возрождения казачества не оказывают.

Далее определяются теоретическая значимость и практическая значимость исследования и указывается, что по теме работы опубликованы 73 работы общим объемом 88,5 п.л., из них – 3 авторских монографии, 3 коллективных монографии, 5 публикаций в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования (Web of Science, Scopus), 16 публикаций в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК при Минобрнауки РФ. Материалы исследования были представлены на 4 международных и 8 всероссийских конференциях.

Диссертация состоит из 6 глав, 17 параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

Глава 1. «Методологические, источниковедческие и историографические аспекты исследования казачьего возрождения» состоит из трех параграфов: 1.1 «Методологическое определение объекта и предмета исследования», 1.2 «Источниковая база исследования: видовое разнообразие и проблемы изучения» и 1.3 «Историография возрождения казачества в советский и постсоветский периоды: основные подходы к изучению». В этой главе автор объясняет, как она понимает казачество, перечисляет его самые различные характеристики, схожие и несхожие взгляды предыдущих исследователей и предлагает «рассматривать его как социальную общность, трактуемую широко» (с. 41). Так же автор рассматривает разные трактовки

термина «возрождение» и объясняет, что в ее работе «понятие «возрождение» подразумевает обращение к образцам прошлого и строительство на их основе элементов современной социальной и культурной систем. Такое культурное строительство означало синтез старых и новых форм, социокультурное конструирование» (с. 49).

Во 2-м параграфе главы дается детальный анализ многочисленных источников, рассматриваются особенности источниковой базы 1920-30-х гг. и таковой же базы позднего советского и постсоветского периода. Автор считает, что данный массив источников позволяет провести объективное исследование.

В 3-м параграфе автор дает развернутый историографический обзор проблемы и приводит новые теории этапов существования казачества и связи его с общероссийской историей. Исходя из историографической ситуации, автор констатирует, что представленное «исследование является первой попыткой изучения в единстве советского и постсоветского периодов бытия казачества, когда оно оказывалось востребованным со стороны власти, становилось активным актором общественных процессов и получало возможность реализовать собственные интересы...» (С.132).

Глава 2 «Политика «Лицом к казачеству» и ее влияние на встраивание казачества в политическую систему советского государства» тоже состоит из 3-х параграфов: 2.1 «Вовлечение казачества в государственное строительство как фактор возрождения социальной общности в середине 1920-х гг.»; 2.2 «Казачество юга России в процессах социального переустройства середины 1920-х гг.: общественные настроения, формы и способы адаптации» и 2.3 «Военная служба в территориально-милиционных частях в 1920-х – 1930-х гг. как форма интеграции казаков в советскую систему». Здесь автор показывает, как власть стремилась вовлечь казаков в систему советов, добиться их поддержки через участие в местных органах власти. Показано, что политика «Лицом к казачеству» быстро закончилась. «Казачество как специфическая группа населения, требующая отдельного

внимания власти, больше не фигурировало в партийных и советских документах. Это означало, что примерно в конце 1927 г. политика «лицом к казачеству» окончательно была завершена» (С. 160). Но в отношении к Советской власти у казаков произошел «перелом» (с. 166). Автор считает, что это был процесс возрождения «социальной общности в социальной структуре юга России. Наиболее отчетливо это проявилось в Советах, которые в ряде казачьих районов, по преимуществу стали состоять из казаков» (С. 162). Более того, «казачество явно демонстрировало наличие группового интереса в экономической сфере и способность к объединению и отстаиванию своих интересов. Это определяло специфику их вовлечения в модернизационный процесс» (С. 174). Указывая на службу казаков в территориальных частях, О.В. Рвачева считает, что казаки шли на службу охотно, особенно в кавалерию, но «концентрация казаков в территориальных частях сохраняла потенциальную опасность для власти» (С. 190). В целом же автор считает, что проводимая политика не способствовала «растворению» казаков в массе крестьянства, а способствовала сохранению казачества как социокультурного феномена.

Глава 3. «Факторы, формы и ресурсы возрождения казачества в советской системе в середине 1930-х – начале 1940-х гг.» состоит из двух параграфов: 3.1 «Мероприятия партийно-советского руководства по созданию образа советского казачества в середине 1930-х гг.» и 3.2 «Военно-культурная традиция как социальный ресурс возрождения казачества в условиях социалистической модернизации середины 1930-х – начала 1940-х гг.». В главе говорится, что в результате коллективизации власть «достигла поставленной в отношении казачества цели – растворить казаков в массе крестьянства, нивелировать его социальные и культурные особенности под стандарты советского общества» (с. 198). В 1936 году, по мнению автора проводилась «политическая кампания по созданию образа «советского, колхозного» казачества. Всё, что проводилось в отношении казаков в 1936 г., не создавало новых качественных характеристик социальной общности» (С.

228). Что касается времен Великой Отечественной войны, то казаки регионов юга России «продемонстрировали высокий патриотизм и готовность защищать свою Родину, несмотря на все предыдущие периоды социально-политических конфликтов между казачеством и властью» (С. 252)

Глава 4 «Возрождение казачества на юге России в конце XX – начале XXI в.: идеи, цели и акторы процесса» состоит из трех параграфов: 4.1 «Движение за возрождение казачества на юге России в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: идеи и участники», 4.2 «Власть и казачество в условиях социально-политического кризиса и системной модернизации первой половины 1990-х гг.» и 4.3 «Формы огосударствления казачества и смена вектора возрождения казачества во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг.». В указанной главе казачество рассматривается как один из реализованных результатов запроса общества на создание новых подсистем, институтов, социальных форм в условиях распада старых. Самого казачества как организованной социальной группы к тому времени не существовало, а потомки казаков, хотя и составляли значительное количество населения, но не имели своего осознанного социального или экономического интереса (с. 257). Тем не менее, автор считает, что «развитие возрождения казачества» «имело сильный импульс «снизу», исходивший от тех, кто считал себя потомками казаков» (с. 227). Важнейшими идеями, на которых формулировались цели деятельности казачьих организаций, были историческая правда, историческая справедливость, идея казачества как репрессированного народа, требование возрождения казачества как самобытного этноса. Представители казачьего возрождения регулярно заявляли о том, что казачество может стать гарантом стабильности, государственности и демократических преобразований. В главе показано, как создавались казачьи организации, и как относилось к ним руководство в центре и на местах. Автор указывает, что в глазах власти «основой возрождения становился феномен традиции» (С. 301), указывает на противоречивость реабилитационных документов в отношении казачества. В

главе также показаны проявления сепаратизма и экстремизма некоторыми организациями, объясняется создание «реестра». Описана работа государства по управлению казачьим движением.

Глава 5 «Факторы и ресурсы казачьего возрождения конца XX – начала XXI в.» тоже состоит из трех параграфов: 5.1 «Роль исторической памяти в формировании и развитии казачьего возрождения», 5.2 «Развитие этнонациональной идеи в казачьем возрождении в 1990-х – 2000-х гг.» и 5.3 «Культурные ресурсы возрождения казачества в конце XX – начале XXI в.». В главе описывается культурная деятельность казачьих организаций, показаны идейные споры в них – что возрождать? – и развитие «национальной идеи», прослеживаются истоки этой идеи. Показано, как государство реагирует на эту идею, как идет процесс «размывания» носителей этой идеи.

Глава 6 «Социальные и хозяйственные практики казаков юга России в конце XX– начале XXI в.: использование традиций в новых условиях» тоже состоит из трех параграфов: 6.1 «Роль исторических форм организации и самоуправления в казачьем возрождении», 6.2 «Традиция как основа казачьей военной службы в конце XX в.» и 6.3 «Современные практики хозяйственной деятельности казачьих обществ и их влияние на процесс возрождения казачества на юге России». В главе показаны попытки организации казачьего самоуправления, претензии казачьих структур на изменение ныне существующих административных границ. Показано, как реализуется идея государственной службы казаков. Упоминаются, но не перечисляются воинские части, комплектуемые казаками. Указано, что взаимоотношения военного командования РФ и казачьих обществ носят декларативный характер. Показана роль казачьих дружин в охране общественного порядка. Еще в главе показана хозяйственная деятельность казачьих обществ, какой она предполагалась, и какая она в действительности.

В «Заключении» диссертационной работы О.В.Рвачевой подведены итоги исследования, которые соответствуют основному тексту диссертации и выводам параграфов.

Список использованных источников и литературы замечаний не вызывает.

В целом диссертация О.В.Рвачевой написана на актуальную тему, по итогам работы выдвинуты хорошо обоснованные научные положения, они достоверны и содержат в себе элемент новизны, эти элементы сформулированы в 8 пунктах.

Естественно, что работа на такую сложную тему встретила с рядом трудностей и не свободна от замечаний. Так, в положении: «в XX – начале XXI в. выделяются периоды, когда взаимодействие власти и казачества развивалось динамично и позитивно, и его результатом становилось возрождение казачества» (с. 4), на наш взгляд, возрождение казачества в качестве результата рассматривать преждевременно. Да и было ли оно когда-нибудь доведено до конца?

Определяя предмет - «сходства и различия возрождения казачества на юге России в советский период (середина 1920-х – начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.)» (с.8) – видимо, лучше было бы автору сформулировать «сходства и различия процессов возрождения казачества».

Заявление «Три казачьих сообщества являются наиболее многочисленными и старейшими из всех остальных. К числу таковых относятся донское, терское и кубанское казачество» (с.10) неверно. Терское казачество не было наиболее многочисленным, оренбургское казачество превосходило его числом, а кубанское не было старейшим (создано в 1860 г.)

Объясняя, что такое «казачество», автор практически не видит казачество как «социально-экономическую группу», а именно так казачество проходило в большевистских документах периода гражданской войны и уничтожалось оно именно как «социально-экономическая группа».

Не оговорено, что создаваемые в 1936 г. и в годы Великой Отечественной войны казачьи части формировались не только из казаков, но и из всего населения бывших казачьих областей.

Заявляя в главе 3, что «к 1970–1980 гг. культурные традиции казачьей социальной общности сохранились фрагментарно на бытовом уровне, но сообщества или тем более этнического сообщества не было, как и не было артикуляции своих особых казачьих интересов» (с. 255), автор не подкрепляет это положение каким-либо фактическим материалом.

Указав на роль коммунистов и военных структур в возрождении казачества, автор не проанализировала организационную работу сил, заинтересованных в возрождении неких форм казачества, которая привела к тому, что на учредительном съезде в Москве в 1990 году Кубань была представлена «кооператорами» в форме конвоя Его Величества, а Дон интеллигентами, «болеющими» за Ленина, но против Троцкого и Свердлова.

При анализе историографии проблемы, является ли казачество этносом (субэтносом, этнографической группой), встречается повтор (С. 375). То же самое наблюдается при оценке казачьей культуры (С.383).

Не объяснено, почему в 1990-е годы в казачьи структуры стали массово записываться люди отнюдь не казачьего происхождения и зачастую количественно превосходили в них потомков казаков.

Не исследовано участие казаков в военных действиях в Приднестровье, в Абхазии, в Сербии и в современных частных военных структурах.

Высказанные в данном отзыве замечания и пожелания не снижают общего высокого качества рассмотренной работы. Следует признать, что диссертация Ольги Владимировны Рвачевой является самостоятельным и завершенным научно-квалификационным исследованием, выполненным в рамках паспорта научной специальности 5.6.1. – Отечественная история. Диссертация О.В. Рвачевой соответствует основным требованиям пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г. (с изменениями и

дополнениями от 26 сентября 2022 г.). Соискатель Ольга Владимировна Рвачева, безусловно, заслуживает присуждения учёной степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

08.11.2022

Официальный оппонент

заведующий лабораторией казачества ФГБУН

«Федеральный исследовательский центр

Южный научный центр

Российской академии наук»,

доктор исторических наук

(специальность 07.00.02 – Отечественная история), профессор

_____ Андрей Вадимович Венков

344006, г. Ростов–на–Дону,

пр. Чехова, 41

+7(863) 250-98-05

E-mail: andrey_venk@rambler.ru

С отзывом согласен.

Проф. О.В. Рвачева 05.12.2022